

Слово редактора-составителя

ОКСАНА В. ГОЛОВАШИНА

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0002-9911-175X

Memory studies в поисках эпистемологических оснований

doi: 10.22394/2074-0492-2022-1-8-17

8

В 1998 г. Дж. Олик и Дж. Робинс отметили «непарадигмальность, междисциплинарность, децентрированность» [Olick, Robbins 1998: 105] современных memory studies, призывая к совместному конструированию из множественности рассматриваемой проблематики и многообразия подходов общей традиции и конвенциональных определений. Через десять лет, критически оценивая экспоненциальный рост числа работ, посвященных коллективной памяти [Olick 2008], Олик говорит о необходимости институционализации направления за счет развития междисциплинарного сотрудничества и консолидации исследователей. В 2017 г. А. Дутчак Сегестен и Дж. Вюстенберг, продолжая называть memory studies зарождающейся областью, отмечают, что три ключевых события должны произойти для того, чтобы поле стало институционализированным. «Во-первых, отдельные ученые должны сформулировать область через научную продукцию и сотрудничество. Во-вторых, высшие учебные заведения должны официально признать существование поля через специализированные программы и факультеты. И в-третьих, государственные и частные доноры должны спон-

Головашина Оксана Владимировна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник УГИ УрФУ, главный редактор журнала «Tempus et memoria». Научные интересы: социальная теория, социальная эпистемология, теория событий, социальная темпоральность, коллективная память. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Golovashina Oksana Vladimirovna — Doctor of Philosophy, Leading Researcher at UrFU, Editor-in-Chief of the journal “Tempus et memoria”. Research interests: social theory, social epistemology, event theory, social temporality, collective memory. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

сировать исследования через специальные стипендии и гранты» [Dutceac, Wüstenberg 2017: 474].

Конечно, за 20 лет разговоров о необходимости преодоления «непарадигмальности, междисциплинарности и децентрализованности» были сделаны определенные шаги в эту сторону. Созданный в 2008 г. журнал *Memory Studies*, упоминая о «значительных расхождениях в основных концепциях и методах в этой области», позиционируется как площадка для «диалога и дебатов по теоретическим, эмпирическим и методологическим вопросам» [Hoskins, Barnier, Kansteiner, Sutton 2008: 5, 7]. Примерно о такой же цели заявляет созданная в 2016 г. соответствующая ассоциация [Memory Studies Association]. Начиная с 2000-х годов появляются программы, специализирующие на подготовке специалистов в *memory studies*, выпускаются тематические учебные пособия и обзорные работы [Cubitt 2007; Erll, Nünning 2010; Jelin 2003; Kattago 2015; Tota, Hagen 2016; Olick, Vinitzky-Seroussi, Levy 2011].

Однако отмеченный Оликом экспоненциальный рост числа публикаций, тематических конференций, программ, а также появление соответствующих организаций и публикационных площадок пока приводят только к умножению исследуемых кейсов и вовлеченных акторов, а не к выработке конвенциональной теоретической модели. «Хальбвакс и Нора цитируются повсеместно, но часто такие цитаты кажутся скорее тотемными, чем содержательными» [Olick 2008], т. е. согласие по поводу каноничных текстов не выливается в развитие высказанных в них идей. Призывы к диалогу исследователей заканчиваются появлением только новых площадок для дискуссий, журнал *Memory Studies* больше иллюстрирует существующее поле, чем способствует его институционализации, а расширение пространства возможностей языка описания иногда оказывается самоцелью, а не способом выработки исследовательской оптики. Как правило, пока больше оснований говорить об «интеллектуальной дружбе» [Olick, Sierp, Wüstenberg 2017], чем о школах и исследовательских программах.

Нельзя утверждать, что интенсивное развитие *memory studies* не приводит к каким-либо эпистемологическим результатам. «Ни *memory studies*, ни *Memory Studies* уже не являются зарождающимися» [Ibid.: 493], т. е. как исследовательскому полю исследованиям памяти уже не нужно обосновывать свое существование. Помимо зачастую формальных ссылок на Хальбвакса и Нора, ученые предлагают теоретические модели, которые имеют эвристический потенциал.

Процессореляционная методология Дж. Олика позволила, преодолевая слабости субстанционалистского взгляда, констатировать динамичность и контекстуальность коллективной памяти [Олик

2012]. Эта модель показывает работу коллективных представлений о прошлом в условиях постоянных изменений и множественности акторов, задействованных в процессе реконструкции образов прошлого.

Как прошлое в настоящем, коллективная память реагирует на изменения, динамику современности. Осмысление последствий мобильного поворота, констатируемого Дж. Урри, проявилось в развитии и обосновании транскультурной памяти, позволяющей преодолеть ограниченность взгляда с позиции национальных историй. Понимание Запада как «относительного я» [Erl 2011: 11], которое подвергается влиянию и изменению со стороны изменчивого Другого и запутывается в нем, позволяет концептуализировать его не как изолированную и однородную сферу, а как целое, сформированное транскультурными движениями. Преодоление границ определяет «фокус внимания, направленный на мнемонические процессы, происходящие в культурах и за их пределами» [Ibid.: 12-13]; фрагментированность памяти не просто констатируется, а служит отправной точкой для дальнейших исследований межпоколенческой динамики, семейной памяти, взаимовлияния памяти мигрантов и принимающего сообщества. Понимание коллективной памяти как «путешествующей памяти» (travelling memory), «транскультурной памяти» (transcultural memory), «памяти в движении» (memory on the move), «планетарной памяти» (planetary memory) определяют не только новую исследовательскую оптику, но и выступают в качестве показателя изменения в онтологии коллективной памяти, ее выхода за пределы заложенного еще Э. Дюркгеймом взгляда с позиции отдельных групп. Постколониальная оптика и деколониальный поворот, направленные на переосмысление доминирующей методологии и языка описания, позволили осмыслить коллективную память через отказ от категорий модерности, прогресса и развития в описании (в нашем случае) коллективных представлений о прошлом [Rothberg 2009; Zimmerer 2013], показывая, что взаимодействие между объектами и памятью является более сложным, чем «западное мышление привыкло предполагать» [Forty 2004]. Использование теоретико-методологической базы исследований наследия [Burne, Harrison 2013; Olsen, Pétursdóttir 2013], а также идей Б. Латура и объектно-ориентированной онтологии опровергает идею о том, что «память связана с умами, а не с вещами» [Stallybrass 1993: 47], скорее, «люди, предметы и воспоминания связаны друг с другом в их материальном присутствии, создавая сборки, состоящие из людей, вещей и следов прошлого — то, что мы называем “мнемоническими сборками”» [Freeman, Nienass, Daniell 2016: 4]. Такой подход позволяет говорить о «материально-семиотической упорядочности» в изучении памяти [Kontopodis 2009: 6]

и о взаимодействии памяти и материальности в производстве «эффектов памяти» [Schlunke 2013: 259].

Высоко оценивая теоретико-методологические идеи коллег, мы тем не менее вынуждены констатировать, что эпистемология коллективной памяти нуждается в дальнейшей разработке. Однако поиски теоретико-методологических основ и концептуализация объекта исследования противоречат развитию самого направления. Экспоненциальный рост числа публикаций достигается за счет увеличения количества кейсов и расширения поля объектов исследования; метафоричность исторической памяти подтверждает Ю. Сафронова в своем пособии, посвященном исторической памяти [Сафронова 2019: 16]; Э. Тулвинг иронизирует над увеличивающимся количеством типов памяти (он насчитал 256 [Tulving 2007]), Б. Зелизер отмечает, что дефиниции коллективной памяти зачастую ограничиваются только тем, что она не индивидуальна [Zeliezer 1995], а Дж. Олик сравнивал «память» с ярлыком, объединяющим разнообразные концепции, методологические подходы и исследовательскую проблематику [Olick 2009]. Необходимость институционализации, заявленной исследователями в программных статьях, не предполагает разработки конвенциональной методологии. В журнале Ассоциации исследователей памяти обсуждаются проблемы междисциплинарности и акцентируется внимание исследователей на отдельных проблемных полях (в соответствующих тематических номерах, секциях на форуме Ассоциации), однако в программных статьях нет запроса на конвенциональную эпистемологию. Зачастую онтологию заменяют метафоры (например, «пирамида камней», «запутанная память», «вспышки образов»), которые, безусловно, обладают определенным эвристическим потенциалом, однако в отсутствие конвенциональных критериев для верификации полученных результатов этот потенциал остается нереализованным.

В современных исследованиях память продолжает выступать следствием активных действий акторов по ее реконструкции или концептуализируется «в терминах психологии и эмоциональной динамики индивидуального воспоминания» [Kansteiner 2002: 185]. Если вторая волна *memory studies*, начало которой положили историки П. Нора и Й. Йерушалми, «ориентировалась в основном на социальные рамки, ее основной сферой распространения стала историография» [Hutton 2016: 177], то третья волна, построенная вокруг дискуссии о мемориальной архитектуре и рефлексии внуков участников трагических событий (прежде всего холокоста), связывает память больше с эмоциональными, чем теоретико-методологическими факторами. Речь идет, скорее, о легитимации аффективной вовлеченности историка в прошлое [Landsberg 2015] и активной ра-

боте с мемориальными проектами [Hutton, 2016: 67], чем о теоретическом осмыслении концептов и категоризации исследовательской проблематики. Ситуация осложняется темпоральной трансформацией, в условиях которой эпистемологическим рамкам противопоставляется переживание «будущего памяти» и «памяти после гуманизма» [Crownshaw, Kilby, Rowland 2010; Gutman, Brown, Sodaro 2010; Knittel, Driscoll 2017], разорванной связи между прошлым, настоящим и будущим [Ассман 2013]; время, память и пространство переплетаются как «социоментальная топография прошлого» [Zerubavel 2003: 1]. «Пространство опыта» обернулось пространством рисков, «горизонт ожиданий» апокалиптичен — переизбыток прошлого оборачивается телеологией. «Мир не похож на взвод, наступающий со скоростью одного командира. Это сеть событий, влияющих друг на друга» [Rovelli 2018: 27]. Память в этих условиях оказывается источником моральных оценок, аффектов, травм и идентификационных поисков; этический дискурс и легитимирующие нарративы заменяют исследовательскую оптику.

12

В России, помимо указанных выше проблем, осмысление места коллективных представлений о прошлом зачастую заменяется трансляцией дискурсивных схем из учебников философии и социологии и потребностями исторической политики. Обращение к классическим произведениям определяется инерцией теоретико-методологических моделей и потребностью соответствовать своеобразно понятым трендам в социальных дисциплинах, а идеи теоретиков, составляющие канон memory studies, оказываются только метафорами, цитирование которых выступает в качестве индикатора принадлежности к полю. Вместо теоретико-методологических основ исследователи предлагают риторические фигуры, легитимирующий потенциал которых заменяет необходимость эвристичности. Сохраняющееся в работах представление о воспитательной функции истории, несмотря на многочисленную критику линейной каузальности, приводит к замене исследовательской оптики аксиологической.

В предлагаемом тематическом номере мы не претендуем на построение новой эпистемологии memory studies, но предлагаем посмотреть на память как эпистемологический вектор и вместо сложившихся терминологических конструкций призываем проанализировать возможности новой исследовательской оптики для осмысления мнемонического. Мы публикуем статьи, авторы которых обращаются как к каноническим теоретическим конструктам, так и к новым эпистемологиям, применение которых может иметь большой эвристический потенциал.

В своей статье О. В. Головашина предлагает обратить внимание на один из самых популярных концептов в российских memory studies и очень распространенный среди западных исследовате-

лей — места памяти П. Нора. Призывая выйти за пределы отождествления мест памяти с памятниками (особенно популярного в среде отечественных ученых), автор предлагает реконструкцию проекта французского теоретика. Пафос мест памяти пересекается с идеями французского историка Эрнеста Лависса, однако прошлое Франции Нора предлагает рассматривать не через историографию, а через образы (*lieux de mémoire*). Описывая место памяти как материальный, функциональный и символический объект, Нора стремился показать напряжение между необходимостью помнить и стремлением забыть, что и приводит к постоянным дискуссиям вокруг того или иного места памяти, причем дискуссионность оказывается источником не конфликта (как было, например у В. Бенямина), а консенсуса. Дискуссионность различных интерпретаций выступают основными источниками изменений мест памяти, которые, несмотря на обновление значений, сохраняют свою символическую роль. Определяя места памяти как «останки прошлого», Нора имел в виду не столько материальность этих останков, сколько подчеркивал объективность (даже «объектность») прошлого. Так понятое место памяти позволяет использовать его в качестве эпистемологической рамки, обращение к которой может нивелировать идеологический аспект интерпретации прошлого.

13

В. Н. Сыров и Е. В. Агафонова в своей статье идут дальше распространенной в современных *memory studies* констатации темпоральной трансформации и предлагают рассматривать множественность времен в качестве эпистемологического вектора. Заслуживает внимания то, что авторы, несмотря на некоторые тренды в социальной теории, видят потенциал в конструктивистской методологии, считая, что ее критика связана со смешением онтологических и эпистемологических аспектов, а фундаментальные тезисы реалистов избыточны. Трактуя время в качестве теоретической конструкции, авторы признают множественность времен следствием множественности опыта и его интерпретаций. В этих условиях коллективная память выступает в качестве одного из способов синхронизации гетерогенных временных потоков. Признавая теорию современности в качестве критерия синхронизации, авторы выступают за преодоление аллохронизма за счет «роста чувствительности к другим версиям интерпретации прошлого, настоящего и будущего и аргументам, которые предоставляются их теоретиками или их идеологами».

Статья Д. А. Аникина открывает раздел, посвященный применению представленных теоретико-методологических моделей на эмпирическом материале. Несмотря на определенную популярность акторно-сетевой теории, ее использование в *memory studies* довольно ограничено. Автор предлагает рассматривать коллективную память

как «продукт сборки, причем продукт, различающийся в зависимости от оптики данной сборки», что позволяет ему подчеркнуть динамичность и процессуальность возникшей сети, внутреннее постоянство которой определяется непрерывностью и/или преемственностью связанных с этой сетью практик. Опираясь на вариант акторно-сетевой теории, представленной Дж. Ло, который «пытается совместить представление о сетевом характере взаимодействия объектов с пространственными категориями», автор интерпретирует религиозные памятники как прежде всего сетевые объекты. Основанием для этого является идущая от Э. Дюркгейма трактовка религии как сакрализованного набора социальных практик, направленного на формирование коллективной идентичности. Оптика Дж. Ло, в частности, его вывод о конфликте между пространством и составляющими объектами, позволяет автору говорить о различении материальной и сетевой проекции религиозных памятников, т. е. памятник, как считает автор, можно рассматривать и как продукт репрезентации определенной символической системы, и в качестве самостоятельного актора, способного трансформировать сложившийся мемориальный ландшафт, порождая новые формы пространственной конфигурации. Статью Д. А. Аникина нужно рассматривать как прежде всего предпосылки к возможному анализу памятников (и мест памяти вообще) с позиции акторно-сетевого подхода, однако заявленный опыт, безусловно, заслуживает внимания.

Збигнев Шмыт обращается к политике памяти, рассматривая прошлое в качестве эмоционального опыта, создаваемого посредством коммеморативных практик. На примере трансформации исторической политики и режимов памяти в постсоциалистической Польше автор показывает, как теоретические концепты используются в конкуренции исторических нарративов и интерпретации прошлого. Агентность мифологем (например, христологическая фигура польского народа) определяет оптику переосмысления событий; отмеченный автором переход от формализованных коммеморативных практик к перформативному воссозданию и переживанию прошлого предопределил аффективность польской публичной политики. Для ее осмысления автор использует концепт «мифопрактика» М. Салинса. Показывая метафорические отождествления как основания презентизма для публичной истории, автор обосновывает возникновение двух конкурирующих парадигм работы с прошлым: либеральной, направленной на интеграцию исторических нарративов соседних государств и национальных меньшинств, и националистической, построенной через оптику национальной гордости.

М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова, Е. В. Пряникова в качестве исследовательской оптики предлагают концепцию меморативного ланд-

шафта, определяемого авторами как «вид культурного ландшафта, который относится к сфере культуры памяти». Для ее прояснения авторы обращаются к фокусам пространства, знания и памяти, а также предлагают конкретные методологические принципы и структурные характеристики: мемориальный ландшафт в трактовке авторов включает пространственно-локализованные элементы и предполагает обязательный анализ не только памяти о личности или событии, но и память о памяти; структурные элементы детерминируют исследование конкретных коннотаций и контекстов, систем акторов, практик и типа носителя, учет временного масштаба, связи модусов времени и продолжительности, а также осмысления типа пространства, степени доступности, пространственного масштаба. На основании полевого эмпирического материала авторы показывают, как работают отдельные характеристики меморативного ландшафта.

Важным для решения задач, поставленных в предлагаемом номере, мы считаем представленный перевод. М. Хальбвакс в своей книге «Легендарная топография Евангелий Святой земли» (*La topographie légendaire des évangiles en Terre sainte* (1941)) показал, как социальная группа конструирует свое символическое единство через сакрализацию пространства. Известные нам сейчас традиции, как показывает Хальбвакс, возникли как результат предшествующего приспособления унаследованных от прошлого представлений к представлениям настоящего с опорой на сохраняющиеся материальные свидетельства прошлого. Коллективная память христианской церкви присваивала Святую землю за счет воображаемой топографии через связь библейских событий и персоналий с существующими местами [Halbwachs 1941: 4]. Авторское введение проясняет методологию Хальбвакса и способ работы с источниками, которые в той или иной степени сохраняются и у современных исследователей памяти.

В предлагаемом номере мы стремились показать способы работы с эпистемологическими моделями, необходимость четкой теоретико-методологической базы и внимательного отношения к используемым концептам. Сложности, которые возникли в период подготовки номера, показывают, что основная работа еще впереди.

Библиография / References

Ассман А. (2013) *Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна*, М.: Новое литературное обозрение.

— Assman A. (2013) *Has the Temporal Nexus Disintegrated? The Rise and Fall of Modernity's Temporal Regime*, Moscow: New Literary Review. — in Russ.

Олик Дж. (2012) Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии. *Социологическое обозрение*, 11(1): 40-74.

— Olick J. K. (2012) Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. *Russian Sociological Review*, 11(1): 40-74. — in Russ.

Сафронова Ю. А. (2019) *Историческая память: введение: уч. пособ.*, СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Safronova Ju. A. (2019) *Historical Memory: An Introduction*, St. Petersburg: Published by the European University in St Petersburg. — in Russ.

Byrne D., Harrison R. (2013) *Heritage: Critical Approaches*, Abingdon: Routledge.

Crownshaw R., Kilby J., Rowland A. (eds.) (2010) *The Future of Memory*, N. Y.: Berghahn.

Cubitt G. (2007) *History and Memory*, Manchester: Manchester University Press.

Dutceac A., Wüstenberg J. (2017) Memory studies: The state of an emergent field. *Memory Studies*, 10(4): 474-489.

Erl A. (2011) Travelling memory. *Parallax* 17(4): 4-18.

Erl A., Nünning A. (eds). (2010) *A Companion to Cultural Memory Studies*, Berlin: De Gruyter.

Forty A. (2004) Introduction to "The Art of Forgetting". Buchli V. (ed.) *Material Culture: Critical Concepts in the Social Sciences*, L.: Routledge: 181-195.

16

Freeman L. A., Nienass B., Daniell R. (2016) Memory. Materiality. Sensuality. *Memory Studies*, 9(1): 3-12.

Gutman Y., Brown A. D., Sodaro A. (2010) *Memory and the Future: Transnational Politics, Ethics and Society*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Halbwachs M. (1941) *La topographie légendaire des évangiles en Terre sainte: étude de mémoire collective*, Paris: Presses universitaires de France.

Hoskins A., Barnier A., Kansteiner W., Sutton J. (2008) Editorial. *Memory Studies*, 1(1): 5-7.

Hutton P. H. (2016) *The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing*, N. Y.: Palgrave Macmillan.

Jelin E. (2003) *State Repression and the Labors of Memory*, Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Kansteiner W. (2002) Finding meaning in memory: a methodological critique of collective memory studies. *History and Theory*. 41 (2): 179-197.

Kattago S (ed.) (2015) *The Ashgate Research Companion to Memory Studies*, L.: Ashgate.

Knittel S. C., Driscoll K. (eds.) (2017) Memory after humanism. *Parallax* (Special issue), 23 (4).

Kontopodis M. (2009) Editorial: Time. Matter. Multiplicity. *Memory Studies*, 2(1): 5-10.

Landsberg A. (2015) *Engaging the Past: Mass Culture and the Production of Historical Knowledge*, N. Y.: Columbia University Press.

Memory Studies Association. (https://www.memorystudiesassociation.org/about_the_msa/)

Olick J. K. (2008) «Collective memory»: memoir and prospect. *Memory Studies*, 1(1): 23-29.

- Olick J. K., Robbins J. (1998) Social memory studies: from «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices. *Annual Review of Sociology*, 24: 105-140.
- Olick J. K., Sierp A., Wüstenberg J. (2017) The Memory Studies Association: Ambitions and an invitation. *Memory Studies*, 10(4): 490-494.
- Olick J.K., Vinitzky-Seroussi V., Levy D. (eds). (2011) *The Collective Memory Reader*, N. Y.: Oxford University Press.
- Olick J. K. (2009) Between chaos and diversity: Is social memory studies a field? *International Journal of Politics, Culture and Society*, 22: 249-252.
- Olsen B., Pétursdóttir P. (2016) Unruly Heritage: Tracing Legacies in the Anthropocene. *Arkæologisk Forum*, 35: 38-45.
- Pétursdóttir P. (2013) Concrete matters: ruins of modernity and the things called heritage. *Journal of Social Archaeology*, 13(1): 31-53.
- Rothberg M. (2009) *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age Of Decolonization*, Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Rovelli C. (2018) *The Order of Time*, N. Y.: Riverhead Books.
- Schlunke K. (2013) Memory and materiality. *Memory Studies*, 6(3): 253-261.
- Stallybrass P. (1993) Worn worlds: clothes, mourning, and the life of things. *The Yale Review*, 81(2): 35-74.
- Tota A., Hagen T. (eds). (2016) *The Routledge International Handbook of Memory Studies*, L.: Routledge.
- Tulving E. (2007) Are There 256 Different Kinds of Memory? Narine J. S. (ed.). *The Foundations of Remembering: Essays in Honor of Henry L. Roedinger, III*. N. Y.: Psychology Press: 39-52.
- Zeliezer B. (1995) Reading the Past Against the Grain: The Shape of Memory Studies. *Critical Studies in Mass Communication*. 12 (2): 215-239.
- Zerubavel E (2003) *Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past*, Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Zimmerer J. (ed.) (2013) *Kein Platz an der Sonne: Erinnerungsorte der deutschen Kolonialgeschichte*, Frankfurt am Main: Campus Verlag.

Рекомендация для цитирования:

Головашина О. В. (2022) Memory studies в поисках эпистемологических оснований. *Социология власти*, 34 (1): 8-17.

For citations:

Golovashina O. V. (2022) Memory Studies in Search of Epistemological Foundations. *Sociology of Power*, 34 (1): 8-17.

Поступило в редакцию: 27.02.2022; принято в печать: 04.03.2022

Received: 27.02.2022; Accepted for publication: 04.03.2022